

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР ПРЕВОСХОДСТВА им. ЖАНА МОННЕ: ФОКУС НА МОЛОДЕЖЬ

Международная научная конференция

Антропология в поисках нового языка описания
(Первый Томский антропологический форум)

15–17 сентября 2016 г.

Издательство Томского университета
2016

гда приводят к значительным вкладам в технонауку. Для анализа этого режима научно-технической деятельности в докладе предлагается обратить внимание на теоретические ресурсы, предложенные Л. Болтански при исследовании режима агапе, для которого характерны наличие привязанности к объектам взаимодействия (исследования) и отсутствие подсчета, уверенности и эквивалентности.

И.Г. Поправко

Томск, Россия),

И.Х. Чалаков

(Пловдив, Болгария)

**ЛАБОРАТОРНАЯ ЖИЗНЬ 40 ЛЕТ СПУСТЯ: ЗАМЕТКИ
НА ПОЛЯХ В ХОДЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ГЕТЕРОГЕННЫХ ОБЩНОСТЕЙ ТОМСКИХ БИОЛОГОВ**

Irina Popravko (Tomsk, Russia) and Ivan Tchalakov (Plovdiv, Bulgaria)

**The laboratory life 40 years on: watching scientists conduct
integrated research into the Western Siberia's environment**

STS возникли в конце 1970-х годов как попытка переосмысления базисных допущений философии и эпистемологии науки на основе нового понимания деятельности ученых и ее эмпирического исследования. Был сделан прорыв, который, по словам Карин Кнопп-Цетиной, перевернул представление о научных лабораториях, которые начали восприниматься как особая форма жизни, где научные объекты не просто технически создаются, но также конструируются символически и политически, тем самым меняя глубинные структуры социального мира (Knorr Cetina 1995). Серии исследований, осуществленных в 1980–90-х гг. в рамках социологии научного знания (Коллинз, Блор, Малкей), антропологии науки (Тгауек) и особенно акторно-сетевой теории (Латур, Калон, Ло), выявили ряд до сих пор неизвестных механизмов идентификации, закрепления и воспроизводства знания – языковые и риторические практики утверждения истинных и ложных научных суждений, странные сплетения когнитивных и социальных (в узком смысле слова) практик и особенно процедуры «трансляции» и конструирования социотехнических се-

тей из человеческих, не-человеческих и гибридных агентов и их стабилизацию через испытания сил и добавления новых «союзников».

За последние 30 лет результаты этих, ставших классическими, исследований были многократно тестированы, подтверждены и развиты в различных направлениях. С годами эти результаты начали применяться в социальных исследованиях медицины, информационных и коммуникационных технологий, города, в психологии, в научной и инновационной политике и т.д. В то же время шел интенсивный рост переводов корпуса классических STS текстов на практически все европейские и азиатские языки, а также рост теоретических и методологических анализов этого корпуса. Однако, наблюдая за развитием STS, у нас складывается впечатление, что после «бума» 1980-х и начала 1990-х годов все меньше проводилось исследований самой лабораторной практики. Россия является хорошим примером, где ознакомление и активный перевод этих работ начались около 15 лет назад, однако до сих пор есть только одна диссертация в области лабораторных исследований (Артюшина 2014) и несколько их применений в достаточно далеких от науки областях, таких как социология научной (и технологической) политики (включая научную и технологическую), исследования городского транспорта и другие. Очень мало подобных исследований и в странах Южной и Восточной Европы.

Как ни странно, через тридцать лет после описанного эмпирического и прагматического поворота в исследованиях наук к самим STS справедливо предъявить претензии, которые 25 лет назад сформулировал голландский социолог Жерар де Фриз относительно старой философии науки: «До сих пор философы очень мало могли сказать о технологиях, умениях и практиках. Все эти темы выпали из самого способа разделять проблемы в отношениях между субъектом и объектом, языком и миром и т.д. Чтобы понять эти новые области, нам нужно избавиться от традиционных схем формулирования вопросов – их грубой формы эпистемологии 18 века или более рафинированных форм современных "правил скептицизма"» (de Vries 1992).

Нам кажется, что есть опасность превращения STS в форму академической схоластики, где, подобно аналитическим философам 1980-х годов, студенты и преподаватели ограничиваются только разбором классических текстов, устраняя из STS самую их суть –

симбиоз теоретической и методологической работы с полевыми исследованиями научных и инженерных практик.

Критикуя релятивизм социологии научного знания, Бруно Латур говорит о «квантовом» отношении текста и реальности (языка и мира) (Latour 1988): когда мы анализируем и комментируем тексты о лабораторных практиках, «реальностью» является уже не сами лабораторные практики, а тексты о них. Иными словами, отходя от непосредственного наблюдения практики ученых и инженеров и обучая студентов только на основе прежних текстов об этих практиках, мы безвозвратно теряем что-то. Одно дело занимательно описывать на основе текстов Б. Латура или М. Калона сеть трансляций какого-то природного существа до его появления в форме таблиц и диаграмм, и совсем другое погружаться в хрупкую и нестабильную актор-сеть научного исследования: участвовать вместе с микробиологами в жару по пояс в воде в заборе проб, отслеживать их бережливое хранение, ведение записей и протоколов наблюдений и т.д. Студентам необходимо самим погружаться в поле и наблюдать за действиями ученых и инженеров через призму накопленных теорий, тем самым проверяя и «фальсифицируя» (Поппер) их. Именно в этом и состоит реальная проба сил на адекватность наших STS концептов перед лицом практик ученых.

Это не единственный аргумент: поскольку сами классики STS тоже давно не занимаются полевыми исследованиями лабораторий – оказывается, что сегодня, в 2016 году, мы строим наши представления о науке и лабораториях на данных, собранных в 1980 и начале 90-х годов 20-го столетия. Где гарантии, что мир лабораторий остался тем же самым? Как показывает одно из немногих современных исследований в этой области (Rosental 2007), за эти 25 лет в лаборатории вошли несколько поколений «умных» исследовательских приборов и инструментов, которые сами, без участия ученых, делают большие «куски» цепи трансляций по заданным алгоритмам. Массово используется GPS вместо старых ручных техник локализации места нахождения, а компьютерные симуляции и эвристические методы прогнозирования ожидаемых результатов на основе ограниченного количества данных резко ускорили процесс исследования. Отсюда вывод: наука второго десятилетия XXI века не та, которая была 30 лет назад, когда были сделаны основные открытия в области лабораторных исследований.

Это только два из целого ряда аргументов обязательного включения полевых исследований лабораторий и инженерных коллективов в программы обучения STS. Технологии, навыки и практики ученых невозможно рассматривать как тексты, т. е. как «мысли», – необходимо также включить тело, страсть и «привязанность» ученого к исследуемому им существу, молчаливое присутствие приборов и большое количество других деятелей и самого наблюдателя в картину понимания.

Литература

Артюшина А.В. Сетевые взаимодействия в условиях конкуренции за ресурсы на примере молекулярно-биологических лабораторий в России и США: дис. ... канд. социол. наук. М., 2014.

de Vries G. Wittgenstein and The Sociology of Scientific Knowledge: Consequences to a Farewell to Epistemology. Paris: Ecole des Mines, 1992.

Knorr Cetina K. Laboratory Studies: The Cultural Approach to the Study of Science // Handbook of science and technology studies / Jasanoff S. (Ed.). Los Angeles, 1995.

Latour B. The Politics of Explanation: an Alternative // Woolgar S. (ed.) Knowledge and Reflexivity, New Frontiers in the Sociology of Knowledge Sage. London, 1988. P. 155–177.

Rosental Cl. Les capitalistes de la science. Enquête sur les démonstrateurs de la Silicon Valley et de la NASA, CNRS Éditions, coll. «Société», 2007.

Traweek Sh. Beamtimes and Lifetimes, The World of High Energy Physicists, Cambridge Mass. Harvard University Press, 1988.

Л.Я. Рахманова

(Санкт-Петербург, Россия)

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ: ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ

Lidiya Rakhmanova (St. Petersburg, Russia)

The invisible front: the issue of research support in the field

Что происходит, когда научное исследование выходит за пределы лаборатории и кабинета ученого, – из упорядоченного пространства, в котором каждому инструменту, вещи, и даже человеку отведены свое место и своя роль? Мы постараемся проанализировать